

КАТОЛИЧЕСКИЕ МОНАСТЫРИ В ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ В ЗАПАДНОМ КРАЕ (1831–1832)

*Работа представлена отделом новой истории России
Санкт-Петербургского института истории РАН.*

Научный руководитель – доктор исторических наук, главный научный сотрудник В. Г. Чернуха

В статье исследуется политика российской власти в отношении католических монастырей в Западном крае в период первого польского восстания 1830–1831 гг. и сразу после него. На основе источников, впервые вводимых в научный оборот, выявляются мотивы действий властей и методы деятельности государственного аппарата самодержавной России.

Ключевые слова: Российская империя, Западный край, католические монастыри.

The article represents a study of the Russian imperial policy on Catholic monasteries in the Western Region during the first Polish rebellion (1830-1831) and immediately after it. Based on hitherto unpublished sources, the author analyses the reasons that motivated and the methods that were used by the imperial Russian administration.

Key words: Russian Empire, Western Region, Catholic monasteries.

Восстание 1830–1831 гг. в Царстве Польском изменило подход российской власти к католической церкви в целом и особенно к ее монастырям в Западном крае¹. В высших кругах в это время полагали, что католические монастыри являлись средоточием оппозиционных сил и оплотом польского национального самосознания. Монастыри оказывали поддержку шляхтичам, обвиненным с окончанием восстания российской властью в подьеме «мятежа». В то же время Римский Папа официально осудил действия «повстанцев» и тем самым сыграл активную роль в успокоении населения. Российская же администрация не хотела углублять конфликт ни с польскими шляхтичами, ни с Ватиканом. На первых порах, находясь в растерянности, она искала возможность для ослабления влияния католической церкви в Западных губерниях и для подчинения деятельности католического клира своим интересам.

В октябре 1831 г. министр внутренних дел Д. Н. Блудов, анализируя одно из судебных дел о мятежном католическом монахе, обобщил: «Особенно в нынешнее время, когда многие римско-католические монастыри принимали участие в возмущении, монашество не может почитаться довольно надежным»². В этих словах отразился подход российской власти, свойственный для времени после польских событий в отношении всей католической церкви. В ее деятельности видели российские власти политическую подоплеку. Еще менее лояльными сановники считали монахов. Их вина усиливалась тем, что как раз в экстремальных условиях они оказались в рядах оппозиционеров. По сути, за католическими монастырями российские власти признавали политическую силу, а их дальнейшую деятельность – угрожающей стабильности в данном регионе. Судя по словам министра, позиция верховной власти в отношении всех монашеских ка-

толических орденов заведомо была одной значимой.

Ему вторил, хотя его рапорт был составлен ранее, 29 января 1831 г., начальник жандармского округа в Западном крае, генерал-майор С. И. Лисовский. К общей характеристике он добавил еще одну особенность монашеского духовенства: оно «скрывается под скромною личиною», а «проникнуть в тайны их стен почти невозможно». Поэтому, по его словам, «всякий близкий надзор был недействителен». Исходя из этого, жандарм признавал слабость существующего надзора, не позволявшего из-за особенностей устройства и организации монашеских орденов вплотную наблюдать за их внутренней жизнедеятельностью. Выход из сложившегося положения чиновник видел в установлении «особенного надзора» над католическими монастырями. Причем он детально продумал, каким должен быть такой надзор.

Лисовский предложил способ, который, по сути, был равнозначен перевороту в церковной среде. В полицейских целях он считал удобным, чтобы белое и черное духовенство были объединены под управлением человека, специально подобранного для этого из белого католического духовенства. Он даже наметил на эту должность бискупа Андрея Клонгевича, возглавлявшего тогда Виленскую католическую епархию. «Поласкав его самолюбие, – писал чиновник, – распространить его власть и на монашествующие ордена». При этом самого бискупа следовало поставить в жесткие рамки, а именно «возложить на него ответственность всякого могущего произойти беспорядка у светских и монашествующих». Такой порядок церковного управления нарушал бы издавна существовавший.

С мнением чиновника не согласился прочитавший этот рапорт главнокомандующий действующей армии И. И. Дибич, близкий соратник императора. Он считал, что

«такое действие было бы совершенно противно правилам католической религии»³. И все-таки из-за значимости поднятого вопроса рапорт был передан на рассмотрение Николаю I. В столице идея Лисовского была отклонена. Слишком тяжелыми были для монарха уроки, полученные в польском восстании, чтобы снова обострять отношения с поляками. Такой вариант потребовал бы официального согласия Римского Папы, который вряд ли бы согласился менять многовековые церковные правила. Позднее император нашел такой способ.

Сначала в белорусских губерниях российская администрация закрыла несколько католических монастырей. Самое раннее упоминание о таких фактах, которое нам удалось выявить, относится к концу 1831 г. Перед тем как одобрить массовые закрытия монастырей, Николай I хотел посмотреть реакцию населения на этих единичных примерах. В этот год на публичных торгах был продан пиарский монастырь в Витебске, а недавно построенный доминиканский монастырь в Орше и бернардинский в Мстиславе были переданы в училищное ведомство⁴. Для закрытия были выбраны монастыри, принадлежащие крупнейшим и влиятельным католическим орденам, богатейшим земельным собственникам. С первыми новостями об этом начальник военных поселений, генерал-адъютант П. А. Клейнмихель прозорливо спросил у Блудова: какие монастыри еще планируются к закрытию и могут ли они быть переданы военному ведомству? Однако и Блудов тогда не мог ответить точно: в это время от императора еще не поступило общего руководства по католическим монастырям. Каждый монастырь закрывали губернские начальники по личному поручению Николая I, минуя правовые процедуры. В отношении именно этих монастырей не существует документов и, следовательно, однозначного ответа о причинах их закрытия. Официаль-

ную версию позволяет выявить высочайший указ 19 июля 1832 г., которым Николай I начал открыто и масштабно анти-монастырскую кампанию. Властям потребовалось обосновать легитимность этой акции. В это же время российская власть пыталась завуалировать ее политические мотивы.

Николай I повелел «объявить немедленно Римско-католической коллегии и главным местным начальствам Западных губерний об упразднении некомплектных монастырей, как лишенных средств к поддержанию порядка и благочиния между монашеством»⁵. Исходя из этого, закрывали «некомплектные» монастыри, т. е. признанные малочисленными по штату. В ходе восстания состав католического духовенства ощутимо поредел: монахов арестовывали, переводили в монастыри Великороссии, а часть бежала за границу. Поэтому к 1832 г. многие монастыри могли быть признаны малозатратными, а значит, формально подлежащими закрытию. К моменту объявления этого указа был утвержден список таких монастырей⁶. Власть также оставляла за собой право на закрытие в любое время монастырей, не включенных в первичный список. Поводом могло служить признание

властями ненужным существование католических монастырей в селениях среди большинства униатов и православных прихожан. Монахов понижали до викарных, т. е. рядовых должностей, и разъединяли по разным приходам.

Император ужесточил порядок, при котором теперь в России действовали монашеские ордена, представлявшие здесь католическую конфессию. Отныне их существование жестко зависело от «буквы закона». Если монастыри соответствовали новым требованиям, то сохраняли право на дальнейшую деятельность. Этим же указом император закрепил право светской власти вмешиваться в кадровую политику католической церкви, контролируя ее состав даже на низовом уровне. Ранее с Ватиканом было согласовано, чтобы кандидаты на высшие должности выдвигал глава католической церкви в России, хотя утверждал их все же Римский Папа, но окончательным было решение российского самодержца. Николай I подчеркнул свое всевластие как в светской, так и в церковной областях. Так вырабатывался механизм, который позволял бы ему контролировать внутреннюю деятельность католической церкви в Западном крае.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья выполнена при поддержке фонда Gerda Henkel Stiftung (Германия), специальная программа для историков Белоруссии, Молдавии, России и Украины, грант AZ 10/SR/06.

² ГАРФ. Ф. 109. 1-я эксп. Оп. 6, 1831 г. Д. 613. Л. 2 об.

³ Там же. Д. 72. Л. 2, 2 об.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1076. Л. 3.

⁵ ПСЗ. Т. VIII. № 5506.

⁶ Судя по отчету Э. К. Сиверса, являвшегося с 1856 по 1876 г. директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий, в 1832 г. было закрыто 104 католических монастыря в Могилевской, Витебской, Киевской, Волынской, Виленской губерниях (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1076. Л. 49). По сведениям Е. Н. Филатовой, в Белоруссии в 1820–1850 гг. закрыли 199 католических монастыря (Список католических монастырей, закрытых в 20–50-х годах XIX в. (Приложение) // Филатова Е. Н. Конфессиональная политика царского правительства в Белорусии. 1772–1860 гг. Минск, 2006. С. 159).